

Геннадий Ильин

18+

Летописцы летающей братвы

Книга третья

Геннадий Ильин

**Летописцы летающей
братвы. Книга третья**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ильин Г. Ф.

Летописцы летающей братвы. Книга третья / Г. Ф. Ильин —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-532-12462-2

Третья книга трилогии "Любовь и небо". Судьба распорядилась служить во многих регионах и странах с разными людьми, делить с ними победы и поражения, усмирять бунты и восстания, голодать и спать под одной шинелью, до хрипоты отстаивать свою честь и достоинство, рисковать, быть на грани жизни и смерти, но всегда в критические моменты появлялось верное плечо незнакомого друга, спасающего от беды. Мне удивительно повезло служить с авиаторами, чистыми душой и открытыми сердцами. И это понятно – авиация других не терпит. Не все имена моих героев подлинны, кто ещё остался в живых, узнают себя по косвенным приметам.

ISBN 978-5-532-12462-2

© Ильин Г. Ф., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава первая

Дверь пилотской кабины открылась, из неё показался бортовой техник и поманил меня пальцем. Перекрывая шум двигателей, он прокричал в самое ухо:

– Забирайте из своей лайбы, что нужно, и переходите в гермоотсек. Диспетчер выдал эшелон на семи тысячах метрах. Если есть газированные напитки – прихватите с собой, иначе могут взорваться.

Я молча кивнул, взял с сиденья пакет с тормозками, – приготовленными в дорогу Ладой бутербродами, – и последовал за техником.

В пассажирском салоне никого не было, – редкий случай для летательных аппаратов, следующих на Запад. Парень задраил двери в грузовой отсек, и стало намного тише.

– Заскучаете – заходите, – великодушно разрешил бортач на доступ в кабину пилотов. И ушёл на рабочее место.

До Москвы было несколько часов лёту, и, чтобы скоротать время, я уткнулся в какой – то детектив. Однако мысли о предстоящих событиях отвлекали и тревожили. В принципе для меня всё складывалось удачно, программу минимум, которую я перед собой поставил, уходя с лётной работы, практически выполнил. Более того, – превзошёл, получив предписание работать в журнале «Авиация и космонавтика». Для офицеров, проходящих службу в Забайкальском военном округе, такая удача выпадает раз в сто лет. Я видел глаза своих друзей и приятелей на проводах: они светились откровенной завистью и надеждой, что судьба будет и к ним благосклонна и что в один прекрасный момент им предложат перевод, пусть не в столицу, но за Урал, в Европу, ближе к теплу.

Юра Кирсанов, опрокинув шкалик за мою гладкую дорогу, так и сказал:

– Я надолго не расстанусь. Ты же заметил, что шагаем с тобой в затылок друг другу. Ты был в Польше, и я там побывал. Ты – на Кавказ, и я не дурак. Ты – в Читку, и я – тут, как тут. Так что по логике вещей следующая наша встреча будет в Москве. Я нюхом чую...

Откуда у него была такая уверенность, непонятно, но, опережая события, скажу, что через три года он действительно пустил корни в штабе тыла ВВС в ведомстве Владлена Кайдина.

Но это случилось потом, а в настоящий момент я прикидывал, как вписаться в новый коллектив, чтобы меня, грубо говоря, не выперли. Отношение к «варягам», людям, пришлым со стороны, у журналистов большой прессы было однозначно негативным. Даже если пришёл профи. А что прикажете делать мне, у которого за плечами, каких – то полтора года в армейской газете? Двадцать лет внештатного корреспондента сюда не пришьёшь: любитель, он е есть любитель, как бы талантливо не писал. Бывают, правда, самородки, но мне до них, как до Китая пешком. Я с ними даже рядом не стоял. Кроме того, должность, на которую я ехал, для меня была, как тёмный лес. Редактор отдела оформления цветного журнала. Вчерне я понимал, что это такое. Но кто мне даст возможность постажироваться, поднакопить опыта, набить себе руку? Не набьёшь руку – набьют морду. Это уж точно. А макетирование номера? Как оно происходит? Университетские знания на этот счёт оставляли желать лучшего. Короче, ситуация – не бей лежачего. Бросили человека, не умеющего плавать, в водоём. Выплывет – хорошо, утонет – ещё лучше, место освободится.

Так я себе рассуждал, пока ребята не позвали меня в пилотскую кабину расписать партию в преферанс. Видели, что умею, когда вместе летали в Тикси. Первая закончилась моим проигрышем. Сказывался опыт членов экипажа, приобретённый в длительных перелётах. Вторая пулька прервалась, когда самолёт сменил эшелон, вошёл в облака, и началась болтанка. Командир вернулся на рабочее место, а я – в пассажирский отсек, заглянул в иллюминатор и убедился, что мой «вазон» на месте. А куда он, к чёрту, денется?

В Омском аэропорту самолёт дозаправили топливом, я пообедал в ресторане, и мы полетели дальше. Всё шло по расписанию, и я уже мысленно прикидывал, как буду добираться до Москвы, когда за два часа до посадки командир передал, что по метеоусловиям Астафьево не принимает и будем садиться на военном аэродроме Энгельса. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

В Энгельсе, близ Саратова, погода тоже не радовала.

– Похоже, застряли надолго, – безрадостно прокомментировал ситуацию штурман. – Циклон надвигается с запада. Если в Астафьево развиднеется, отсюда не выпустят.

– Что посоветуешь, командир? Мне куковать с вами не резон.

– Да что тут советовать? Подожди до завтра, а там всё определится.

Мы переночевали в лётном домике, а утром пошёл дождь со снегом.

До обеда я тянул с решением. Не хотелось добираться до Москвы своим ходом, как – никак, а расстояние несколько сот километров предпочтительней преодолеть по воздуху, но терпение моё лопнуло, и я скомандовал выгнать автомобиль из самолёта на волю.

– Счастливо оставаться, ребята. Поеду. Время не ждёт.

До Тамбова и Липецка я добрался благополучно, а вот дальше началась такая воздушная круговерть, что и высказать трудно. Дождь и сырой липкий снег, словно сговорившись, нещадно хлестали в ветровое стекло, так, что дворники не справлялись с осадками. Наступила ночь, и видимость сократилась до двухсот метров. Я включил дальний свет, но лучше не стало. Дождевая завеса создавала экран, фары встречных машин почти пропали, и я вынужден был перейти на ближний. Столица отчаянно защищалась от моей атаки.

Мне бы остановиться, выбрать укромное местечко на обочине и переждать непогоду, но такой уж у меня дурацкий характер: решил заночевать в Рязани, значит там и буду.

Глубокой ночью, уставший до смерти от напряжения, я отыскал придорожный кемпинг, и, не раздеваясь, едва успев сбросить обувь, рухнул на кровать и забылся глубоким сном.

Ровно в восемь меня разбудили по моей просьбе. Я кинул взгляд в окно. Похоже, погода пошла на поправку. Дождь прекратился, облака поднялись и кое – где между ними проглядывалось умытое голубое небо. Похоже, Москва передумала и решила впустить к себе настырного пришельца.

Наскоро перекусив, я сел за руль автомобиля, отыскал бензозаправку, наполнил топливный бак под завязку и покинул Рязань. К трём часам дня я уже въезжал во двор Костиного дома.

– Ждём, ждём, – потряхивая мою руку, радушно улыбался Андреев, предупреждённый мной о моём появлении по телефону. – Даже не обедали. Проходи, раздевайся. Если хочешь, прими душ, и за стол. Валька, накрывай для дорогого гостя, неси, чем Бог послал.

Принаряженная Валентина засуетилась, выставила пол – литра водки, поставила рюмки, селёдочку, обсыпанную свежим лучком, капусту провансаль, отварную картошку и чёрный хлеб, нарезанный крупными кусками.

– Доехал, доехал – то как? – допытывалась она между делом. – Это ж надо – от самого Саратова! – качала она кудрявой головой с удивлением, как будто город находился за тридевять земель.

– Не лезь поперёк батьки в пекло, – оборвал её Костя. – Поест, сам обо всём расскажет.

– Ну, с прибытием! – поднял он до краёв наполненную рюмку, чокнулся, выпил и занюхал кусочком хлеба.

– За встречу! – поддержал я его, накладывая на тарелку немудрёный закус.

– Что ж, ребята, всё вышло так, как предсказал Костя. Предписание – в кармане, и завтра мне надлежит явиться в редакцию. Похоже, что теперь мы будем встречаться чаще.

– Ай, молодца, так молодца! – обрадовалась Валентина, придвигая ко мне хлеб. – А теперь всё по порядку...

И я рассказал им о последних событиях своей жизни.

– Что ж, – подытожил мою исповедь Константин, – я всегда подозревал, что ты настырный мальчик. Но учти, что проблем у тебя прибавится. Просто так Москва тебе не сдастся. У неё мощный инстинкт отторжения, и покорить её удаётся не каждому. Что касается нас с Валюхой, поможем в силу своей испорченности. На первых порах поживёшь у меня, места хватит. А там посмотрим...

По уже проторенному пути я благополучно добрался до редакции, и уже не спрашивая вахтёра, от турникета повернул направо. Здесь, на втором этаже и располагалась редакция журнала «Авиация и космонавтика». Перед входом в неё, на небольшой лестничной площадке, оборудованной под курилку, стояла короткая скамейка и урна для мусора. Над ней на серой стене висел красочный стенд с сочным заголовком «Звериное лицо империализма». На скамье, закинув ногу на ногу, сидела женщина лет тридцати и, элегантно, откинув мизинец в сторону, курила длинную дамскую сигарету. На моё «здрассте» она небрежно кивнула и молча проводила безразличным взглядом. Похоже, к посетителям здесь привыкли и относились, как к обязательному реквизиту. В коридоре никого не было, но из-за дверей доносились голоса, дробь пишущих машинок, работающих короткими и длинными очередями, и дразнящий запах свежесваренного кофе.

Кабинет Главного редактора находился в самом конце, и мой новый шеф оказался на месте. Когда я вошёл, полковник Миронов сидел за длинным широким столом и вычитывал чью – то рукопись.

– А, пропащий, – поднял он на меня седую голову. – Что ж так припозднился? Проходи, садись, рассказывай.

Поблагодарив за приглашение, я сел напротив, достал документы, и пока он читал предписание, мельком окинул кабинет нового начальника. В левом углу стоял застеклённый шкаф, на полках которого блестели хрусталём, серебром и золотом кубки, вазы, макеты летательных аппаратов и другие призы, очевидно награды за плодотворную работу коллектива. Справа, рядом с массивным сейфом, на журнальном столике глядел на меня серо – зелёным экраном современный телевизор, а ближе к выходу – небольшой стеллаж с плотными рядами книг, подшивок, папок и другой макулатуры.

На столе шефа, работая на авторитет хозяина, молча стояли четыре телефона, один из которых, красный, был без наборника. Наверное, прямая связь с Членом Военного Совета, догадался я. Что – то вроде ведомственной «вертушки».

По левую руку Миронова стояла настольная лампа, а сверху висела трёх рожковая люстра с матовыми плафонами.

Широкое и высокое, под потолок, окно, форточка которого была приоткрыта, выходило во двор института космической медицины.

– Во всём Забайкалье, Илья Александрович, не нашлось бы человека, который с таким нетерпением ждал перевода. Летел к вам на всех парусах.

– Так уж и на всех, – улыбнулся Миронов. – Семья осталась в Чите?

– Естественно. Пока не обзаведусь жильём.

– Ничем в этом плане обрадовать не могу. На получение квартир очередь длинная. Даже для управленцев Главного штаба ВВС. А пока езжай в административно – хозяйственный отдел, становись на довольствие и переговори с начальником – полковником Застрожновым. Человек он жёсткий, но к сотрудникам журнала относится с уважением. Или с его секретарём Суходольским Валерием Фёдоровичем. Кто-нибудь из них внесёт твою фамилию в список очередников. Адрес АХО возьмите, – перешёл вдруг Миронов на «вы», – у секретаря редакции полковника Обухова. Вопросы есть? Нет? Тогда в путь, – и уткнулся в рукопись.

– Ах, да, ещё один момент, – остановил он меня на пороге. – Завтра в десять состоится летучка по утверждению апрельского номера журнала. Там я и представлю вас всему офицерскому составу.

Обухова я нашёл в комнате напротив. Он сидел рядом с дверью за небольшим столом, заваленным бумагами, гранками и макетными страницами по самую маковку, и вычитывал чью – то рукопись. Я давно заметил, что журналистов в редакциях можно увидеть в трёх положениях: если не пишет и не читает, то курит. А если нет запрета, то с удовольствием совмещают эти процессы: под сигарету мыслится и шире, и чётче. Так утверждают курильщики со стажем.

Обухова я видел и раньше. Поэтому моему появлению он ничуть не удивился, будто после последней встречи прошло не полгода, а пару дней:

– Послушай, старик, где ты мотаешься? Думаешь, что у меня других дел нет, чтобы тянуть твою лямку?

Его одутловатое лицо с мешочками под зелёными глазами было серьёзно, но в мягком баритоне чувствовалось озорство:

– Шестой номер без тебя выпускаю, и думаешь, что кто – то сказал спасибо? Не дождёшься. В этой конторе все так и норовят, чтобы свалить свою работу на кого – то.

Я уловил загадённый смысл его высказывания и тоже на полном серьёзе произнёс:

– Вот неблагодарные! Просто негодяи, Владимир Иванович! Но ничего, как-нибудь эту несправедливость мы компенсируем, – намекнул я на возможность посидеть вдвоём за бутылочкой.

– Твоими бы устами – да мёд пить, – расцвёл в улыбке ответственный секретарь. – Ловлю на слове. Зачем пожаловал? И не говори, чтобы поздороваться. К Обухову с этим не идут.

Я выложил свои мысли о возникших проблемах.

– Бытовуха, – подытожил Обухов мой короткий монолог. – Ты что, впервые с этим сталквиваешься? Сколько гарнизонов за твоими плечами? Шесть? Значит, столько же раз и возникал квартирный вопрос. Мог бы и попривыкнуть. Да что там офицер – это больная мозоль всего народа. И вот что удивительно, – загорелся речью полковник, – строим, строим, по статистике за десять лет всю страну можно расселить в новые квартиры, но на деле их катастрофически не хватает. А? Прорва какая – то, не иначе. Просто фантастика!

Владимир Иванович, словно в недоумении, развёл свои мощные руки в стороны:

– Давай, записывай адрес...

Административное здание хозяйственного отдела находилось неподалеку от Главного штаба ВВС, в одном из многочисленных дворов старой Москвы, и было похоже на особняк начала века. Приземистое, в два этажа, широкое и внушительное, уже своей архитектурой оно призывало посетителей к нему уважению и почтительности. У решетчатого забора старой вязки, отделяющей его от булыжной мостовой, стояло в ожидании хозяев несколько легковых автомобилей с военными номерами, автобус и два армейских вездехода. По опыту я знал: если машин – куча, значит, проводятся какие – то мероприятия и, следовательно, начальства на рабочих местах не будет. Но на этот раз ошибся.

Постовой за входной дверью, вылощенный не хуже часовых у Мавзолея, тщательно проверил мои документы и назвал номер кабинета на первом этаже.

Секретарша, миловидная женщина лет тридцати, встретила меня виноватой улыбкой и вежливо сообщила, что Анатолий Сергеевич будет с минуту на минуту:

– Да вы присядьте, – радушно пригласила она, указывая на стоящие у стены кресла и диван, мельком взглянула на карманное зеркальце и поправила причёску. Если это для меня, то знак неплохой. Стало быть, я выгляжу привлекательно. Но скорее всего, жест чисто профессиональный, инстинктивный.

– Наверное, строгий у вас начальник, – предположил я вслух, чтобы не молчать, и, думая, что хорошо бы полюбить такую кобылку. По всему видно, губа у начальника АХО не дура. Впрочем, это естественно: всякий секретарь – визитная карточка фирмы.

– Да уж, – неопределённо пожалала высокими плечами женщина. – Но и в обиду не даёт.

Самое бы время развить эту тему, но в приёмную вошёл высокий, щеголеватый, насколько позволяла форма, моложавый полковник. Он небрежно, но внимательно окинул меня цепким, оценивающим взглядом, прикидывая, как на базаре в конном ряду, подойдёт ли в его хозяйстве сидящий перед ним зрелый жеребец.

– Кто-нибудь звонил? – походя, спросил полковник секретаря бархатным и густым, как мёд, баритоном, направляясь в свой кабинет.

– Из ХОЗО Московского военного округа, Анатолий Сергеевич, – поднялась с места секретарша с папкой в руках и поспешила вслед за хозяином. Наверное, понесла бумаги на подпись.

Я невольно вслушивался в наступившую тишину, но из-за двойных дверей не доносилось ни звука. Интересно, какие такие секреты могут быть у хозяйственника, пусть даже и главного авиационного штаба? Но моим фантазиям не суждено было развиться, потому что появилась длинноногая секретарша и пригласила к начальнику.

– Застрожнов, – представился он, приподнявшись навстречу. – О вашем прибытии мне сообщили, – сказал полковник, не уточняя, кто это сделал. – Что я могу сказать, – задумался он, – задача, конечно, не лёгкая, но постараюсь обеспечить вас жильём в ближайшее время.

Я явно оживился, потому что Застрожнов с иронией улыбнулся:

– Нет, совершенно не в плане, о котором вы подумали. Постоянную прописку в Москве вы получите года через два, не раньше, а пока ограничимся программой минимум: определим вас в офицерское общежитие где-нибудь неподалеку от работы, и уж потом будем отрабатывать варианты предоставления временного жилья и для семьи. Другого выхода не вижу, – будто оправдываясь передо мной, извинительным тоном закончил Застрожнов свой монолог. – Как вы на это смотрите?

Интересно кошки пляшут по четыре сразу вряд! Он ещё спрашивает, нет ли у меня претензий! Будто я что – то значу в Москве. Да я ещё и к выполнению должностных обязанностей не приступил, не то, чтобы завести какие – то связи, способствующие надавить на решение начальника АХО, но который почему – то предполагал об их существовании.

Опыт, приобретённый в боях с военными чиновниками, подсказывал мне, что у Застрожнова в загашнике имеется прожиточный минимум дефицитных товаров, в том числе и квартир. Но это был неприкосновенный запас – «НЗ», без наличия которого руководителям такого ранга не удержаться в служебном кресле. Распоряжался им только Главком ВВС. Обо всём этом я знал, но даже не заикнулся: быть наивным в мои годы, если не смешно, то очень печально.

– А положительно смотрю! – весело ответил я. – Как учили в первом классе!

Застрожнов рассмеялся:

– Люблю оптимистов. Деловые вопросы с ними решаются проще. Скажу не для пространства, что уже заложен фундамент высотного здания, в котором вам предстоит поселиться. Надо только набраться терпения и ждать. Поживите в общежитии инженерной академии, пока я кумекаю, как соединить вас с семьёй.

От Застрожнова я уходил полный надежд и веры в светлое будущее. Как ни крути, а он прав, без жены и детей я чувствовал себя одиноко и дискомфортно.

Офицерское общежитие слушателей академии Жуковского и впрямь находилось почти рядом с редакцией. Комендант, располневший на пенсионных харчах майор – отставник, ознакомившись с направлением, небрежно повертел бумажкой в воздухе, словно хотел сказать, что она ему до фени, но смиловался и определил мне место в комнате на первом этаже с подселением.

– Такие, как вы, у нас долго не задерживаются. Или получают ведомственную жилплощадь, или снимают квартиры частные, – объяснил он своё решение. – Да мне – то что, живите, коль получено распоряжение.

Комендант отвёл меня в конец коридора, открыл угловую дверь и пропустил вперёд:

– Не скажу, чтобы обстановка располагала к роскоши, но всё необходимое для повседневной жизни есть. Даже душ в полуподвале работает по вечерам. Вот так.

Остаток рабочего дня ушёл на благоустройство. Я перегнал машину под окна общежития, перетащил из неё военную амуницию и разместил в единственный в комнате трёхстворчатый шкаф, поужинал в ближайшем ресторане и умиротворённый, улёгся на жёсткую солдатскую кровать. Уже засыпая, вспомнил о реплике коменданта на счёт ведомственных квартир. По наивности, навеянной детективами, я предполагал, что такие хоромы находятся в ведении силовых структур, внутренних органов и конспиративных квартир контор, занимающихся госбезопасностью. Но оказалось, что всякое мало-мальски уважающее себя структурное образование по роду своей работы вынуждено содержать на балансе одну, две, а то и несколько прекрасно оборудованных люксов в престижных районах города. «Надо прозондировать этот щекотливый вопрос, авось что-нибудь и выгорит», – была моей последней мыслью.

– Эскадрилья, подъём! – донеслась до меня жёсткая команда дневального по казарме из далёкого прошлого.

Повинуясь ей, я, по раз и навсегда приобретённому иммунитету, сбросил с себя одеяло и, не раскрывая глаз, потянулся рукой к табуретке, на которой с вечера была уложена курсантская роба. И только здесь сообразил, что всё это привиделось.

Часы показывали ровно шесть. Я замотал головой, сбрасывая остатки сна, встал, сделал несколько произвольных движений, имитируя зарядку, и умылся. Прежде всего, надо было привести обмундирование в порядок. Как ни крути, а людей встречают по одежке. Тем более – новых. Нынче у меня серьёзнейшая встреча с коллективом интеллектуалов, с которыми в дальнейшем предстоит долгая совместная работа до конца службы в армии. Покажусь ли, приглянусь ли щепетильному народу, ревниво оберегающему честь и достоинство редакции? Не прокатят ли по привычке на тачке непрошенного протеза, называемых в журналистских кругах «варягами»? Людями, пришедшими ниоткуда по указанию сверху? Это – то меня больше всего и волновало, пока я наглаживал брюки и рубашку. С одной стороны – я свой в доску. Офицер с солидным стажем лётной работы, политработник, закалённый в битвах с косностью и невежеством, человек, изъездивший пол – России и принимавший участие в горячих точках, и вообще мужик покладистый и компанейский. Но им – то откуда это известно? Я – то понимаю, что свой, но для меня они чужие. И с их точки зрения я тоже чужак. Вот если бы коллектив был женский, внедрение было бы приятным и безболезненным. А здесь одно мужичьё. И каждый, конечно, считает себя корифеем. Но ничего, не дрейфь, старина. Ты ведь тоже не лыком шит.

От гостиницы до редакции пять минут хода. И пока я шёл, прокручивал в уме проект своего внедрения в новый коллектив. В том, что встретят меня сдержанно, я не сомневался. Если бы вакантную должность занимал человек, предложенный Политуправлению ВВС самим Главным редактором, никаких проблем бы не создавало. В абсолютном большинстве газет и журналов существовала именно такая практика. Но «варяг», насильственно внедрённый в коллектив власть имущими структурами, вызывал не только неприязнь, но и враждебность. Что – то вроде подсадной утки в местах заключения. Я это прекрасно понимал и готовился к длительной работе среди хищных и беспощадных аборигенов. Задача состояла не только в том, чтобы успешно внедриться и выжить, но и стать своим. Такие вещи легче всего проходят в группах, чья деятельность связана с элементами риска. У лётчиков и подводников, разведчиков и каскадёров, парашютистов и минёров. Да мало ли на земле профессий, чья работа выполняется на острие ножа. Там два – три эпизода определяют твою востребованность к особой сложности работе, которая мгновенно оценивается окружающими и создаёт имидж новичка. Не оплошал, проявил при выполнении первых заданий творческую смекалку, не сдрейфил при встрече с опасностью, – значит свой, подходящий мужик. С таким в разведку идти можно.

Другое дело, когда человек далёк от экстремальных ситуаций. Здесь для него – море возможностей для разного рода интриг, подсиживаний, подстав, гадостей и даже подлостей.

Удивительно, но нашего человека мёдом не корми, лишь бы выпала возможность насолить ближнему. И чем круче, тем приятней. Это особенно характерно для небольших коллективов. Звериный инстинкт самосохранения заставляет людей занимать круговую оборону и отторгать от себя всякое инородное тело.

Обо всём этом я думал, рассекая плотную толпу москвичей, неприветливых, хмурых, как зимнее утро, с озабоченными помятыми лицами, спешившими во – время успеть на своё рабочее место в гигантской машине производства. Я тоже спешил занять освободившуюся нишу в журнале «Авиация и космонавтика».

Рядом с проходной, под лестницей, ведущей в редакцию, почти незаметная для чужого глаза, поскольку сливалась с казённым фоном серых стен, находилась стандартная дверь. Никогда её не замечал, но на этот раз она открылась, и на пороге появился стройный, моложавый подполковник в авиационной форме, но без головного убора. Худощавый, седой и элегантный, он остро окинул меня взглядом и улыбнулся, как старому знакомому:

– Сто к одному – вы наш новый сотрудник! – уверенно сказал он приятным мягким баритоном, шагнув мне навстречу и протягивая руку. – Горьков, Вячеслав. Редактор отдела космонавтики, – представился он к моему великому изумлению.

– Вы что – экстрасенс?

– Боже сохрани! – отказался от моего предположения подполковник. – Просто профессия обязывает. Да и словесный портрет, созданный ребятами, вполне соответствует оригиналу. Мы о тебе давно наслышаны. Ничего, что на «ты»? Тогда будем друзьями, – предложил Горьков. – Пошли наверх.

В курилке, облокотившись на перила лестницы, встречая нас взглядом, стоял Юра Кисляков, как всегда подтянутый и чем – то озабоченный. Мы не виделись с ним несколько месяцев, но он совсем не изменился. Такой же красивый, интеллигентный и улыбчивый. Разве что кудрявой седины поприбавилось.

– Ну, здравствуй, старина! – сердечно приветствовал он меня, обнимая и прижимаясь к щеке. – Что я тебе говорил? Попадёшь рано или поздно в нашу мясорубку.

Худая высокая женщина, стоящая рядом с ним и курившая длинную дамскую сигарету, с явным любопытством изучала меня зелёными глазами, словно товар, выставленный на прилавке. Поймав мой взгляд, она кивнула и назвалась Наиной.

На шум вышел из своего кабинета Владимир Иванович:

– О, ты уже здесь, – одобрил он моё появление грудным мягким баритоном. – Оформился? Ну, молодец!

Сказал так, будто я совершил какой – то героический поступок.

– Пойдём, покажу твоё рабочее место

В трёх шагах от его кабинета, за раскрытой настежь дверью и находилась моя новая обитель. В большой комнате с широким окном стояло несколько шкафов и три стола, за одним из которых, тем, что стоял слева, сидела, склонившись над макетом, миловидная девушка с бледным лицом и большими серыми глазами. При нашем появлении она встала, смущённо улыбнулась, будто её застали врасплох, и назвалась Анной.

– Это твой технический редактор, – представил Обухов. – Или художественный, как тебе будет угодно. Красота, привлекательность и, соответственно, тираж нашего журнала во многом зависит от неё. Так что она не просто Аня, а Анна Михайловна Кузина.

От щедрой похвалы девушка зарделась и опустила голову.

– Раздевайся, через четверть часа летучка.

Я снял шинель, повесил её на напольную вешалку и поставил кейс к столу, стоящему у окна.

– Кроме того у тебя в подчинении есть фотокорреспондент Дмитрий Редькин. А вот и он, – показал Обухов на молодого человека, перешагнувшего порог. – К летучке готов?

– А к -к – куда я д – денусь, – сильно заикаясь, ответил вошедший, сбрасывая с плеча репортёрскую сумку и вешая на крючок зимнюю куртку. – Вы же м – меня из-под земли д – достанете. За с – слайдами заезжал, – закончил он явно трудную речь, искоса поглядывая на меня.

– Знакомся, твой новый начальник, – представил меня фотокору Владимир Иванович.

– Н – не с – слепой, вижу, – без всякого энтузиазма произнёс молодой человек и протянул руку. Рукопожатие было вялым и небрежным. Будто Редькин делал мне одолжение. А может быть так и надо? Мало их, что ли, начальников? Их много, а мы одни.

Не знаю, так ли думал товарищ Редькин, но его кислая мина, крупный, картошкой, нос и скептическая кривая улыбка мне не понравились. Похоже, та ещё штучка.

На планёрку пришли все офицеры. Плюс Анна Михайловна с черновым наброском макета апрельского номера журнала, плюс Редькин со слайдами на обложку и к материалам. И, конечно же, Любовь Степановна Виноградова, литсотрудник с большим стажем, про которую за глаза называли «недрёманным оком».

Миронов на правах руководителя первым делом представил меня всему личному составу и пожелал удачной адаптации.

За ним выступил заместитель Главного полковник Бессонов, ниже среднего роста офицер с высокой петушиной грудью и тонким, похожим на женский, голосом. Он коротко сделал аннотацию будущего номера.

– Все материалы готовы, – подытожил он, – за исключением от отдела боевой подготовки.

– В чём дело, Юрий Александрович? – строго спросил Главный Кислякова. – Снова неоправданные задержки. Когда, наконец, это кончится?

Покрасневший Кисляков поднялся:

– Илья Александрович, не могу же я собирать материал по телефону. Это несерьёзно. А мои просьбы о командировке в боевую часть под разными предложениями отклоняются. Причём здесь командировочные, если нужна живая фактура? Не хочу я серьёзную статью из пальца высасывать.

– Работать надо планоно. А у вас в отделе всё через пень – колоду! – вскипел Главный, не терпящий критики.

– Я о плане и говорю. Вы же сами его подписали.

– Подписал. Но план – не догма. Искусство руководителя в том и заключается, чтобы в создавшейся обстановке выбирать оптимальный вариант, – назидательно сказал Миронов, – и не подставлять коллектив.

– Ну конечно: стрелочник – он всегда виноват, – огрызнулся Кисляков, опускаясь на стул. – Завтра статью сдам. Только вычитать осталось.

Макет Анны Михайловны утвердили безоговорочно, но долго обсуждали слайды, предложенные Редькиным на обложку. И это понятно: обложка – визитная карточка номера. После долгой дискуссии остановились на одном из трёх предложенных. На снимке был запечатлён лётчик, после полёта вылезавший из кабины истребителя. С моей точки зрения – сюжет банальный, заезженный. Но я промолчал. Негоже на первых порах светиться в чужой стае. Перепутают ненароком с приманкой и сожрут за милую душу.

Слайды я увидел впервые, и с удовольствием разглядывал широкоформатную цветную картинку на свет. От Миронова это не ускользнуло, и он любопытствовал:

– Как, на ваш взгляд, смотрится?

Не ответить я не мог, потому что все головы повернулись в мою сторону. Сказать правду, значит немедленно нажать себе недоброжелателей. Но и серость свою выставлять опасно: бледнолицые всегда вызывают у туземцев пренебрежение и желание слопать. Поэтому я, ещё раз скользнув глазами по плёнке, с уверенностью сказал:

– Хороший снимок. И сюжет неплохой, и качество отменное! Сами проявляли? – перенёс я внимание аудитории на Редькина.

– От – откуда? У нас п – ппроавочной машины нет. В АПН пришлось съездить.

В принципе каждый номер журнала должен был утверждаться на заседании редколлегии журнала, но это происходило только тогда, когда приезжал лётчик – космонавт Герман Степанович Титов. Он занимал пост заместителя Главного редактора, скорее для престижа журнала. Настоящая его работа была в космических частях связи Министерства обороны.

Я знал его ещё с училища. Он поступал туда вместе с нашим потоком, но когда пригнали из Павлодарской первоначалки сто двадцать новых гавриков, нас, аэроклубовцев, посчитали в лётном деле менее образованными и, не мудрствуя лукаво, бесцеремонно отправили в Аткарск летать на «Як – 18» – х. Несколько человек, однако, поддались на агитацию представителя от вертолётного училища, и уехали в Саратов.

Герману повезло больше. Он год обучался на «Як-11», ещё один – на «МиГ -15», был произведён в офицеры и направлен в 26-й гвардейский истребительный полк, расквартированный в Сиверской.

После окончания Сибирского истребительного училища с красным дипломом мне на выбор предложили несколько военных округов. Я остановился на Ленинградском, и по стечению обстоятельств тоже оказался в Сиверской. Но Титова не застал. Он уже был в отряде космонавтов.

Мы встретились после его полёта в космос в университете Дружбы народов. Он выступал перед студентами – иностранцами на ледовой арене, где проводились соревнования по хоккею и фигурному катанию. Минут пятнадцать рассказывал о полёте в космос и не менее часа отвечал на вопросы слушателей. Когда официальная часть закончилась, я набрался смелости и прошёл к нему за кулисы. Поздоровался. Представился и передал привет из Сиверской.

– О, – обрадовался он, – как там наши ребята? Лёва Григорьев, Кузьмин, Шулятников?

– Да вообще – то всё в ажуре. Был там недавно по заданию редакции. Летают. Молодые, те, кто остался после разгона, приступили к полётам в сложных метеоусловиях. Полк переименовали в истребительно – бомбардировочный. Живут, о вас вспоминают, приглашают в гости, Герман Степанович.

– Чего это ты, брат, перешёл на «вы»? – с укором сказал Титов. – Я как был Геркой, таким и останусь. А за приглашение спасибо. Непременно приеду...

Спустя несколько месяцев Титов выполнил своё обещание, но я, к сожалению, на встрече с однополчанами не присутствовал: меня отправили в Польшу.

Прошло два десятка лет, прежде чем я узнал подробности посещения космонавтом родного полка. Рассказывали, что в гарнизон собрались все жители и гости курортного местечка Сиверской, забрасывали космонавта вопросами и цветами, брали автографы, носили чуть ли не на руках. А потом до глубокой ночи длился дружественный банкет...

– Ну, что ж, все проблемы решены, цели определены, за работу, товарищи! – благословил собравшихся Илья Александрович, и все потянулись к выходу.

– Юрий Александрович, – остановил Главный Кислякова. – Оставайтесь на минутку.

Не знаю, о чём между ними происходил разговор, но через приоткрытую дверь доносились фразы на повышенных тонах. Минут через пять Юрка выскочил из кабинета явно взбешенный и предельно злой. «Понятно, – сделал я для себя вывод. – В тихом омуте черти водятся».

– Ну, вот и я, – объявил я своим подчинённым, усаживаясь за рабочий стол. – Для знакомства коротко расскажу о себе.

Анна Михайловна, симпатичная брюнетка с карими глазами, сидевшая по мою правую руку, отложила бумаги в сторону, подпёрла округлый подбородок и навострила маленькие, скрытые модной причёской ушки. Губы её, пухленькие, чуть подкрашенные, приоткрылись

в вежливой улыбке, достаточной, чтобы разглядеть между ними полоску ровных, привлекательно белых зубов. Лет ей было не больше тридцати, но лёгкий макияж и новый блузон с повязанным на шее пёстрым платком заметно молодили женщину. Рядом с её столом, прислонившись к стене, высился огромный, как контейнер. Застеклённый шкаф, забитый папками, журналами, справочниками и другой, очевидно, необходимой для работы, литературы.

Редькин занимал столик напротив меня. В кургузом сером пиджачке, с разлохмаченными тёмными волосами и стиснутыми зубами, от чего желваки на его узких скулах рельефно выпирали, он был похож на взъерощенного воробья, напуганного наглой вороной. Фотокорреспондент молча внимал моим словам, сохраняя маску приличия, но его руки беспокойно перебирали кипу свеженьких, очевидно проявленных вечером снимков. Суетливость его, как я понимал, демонстрировала независимость и достоинство перед новоявленным начальником. За его показной кротостью чувствовалось профессиональное превосходство. Очевидно, прознал, что кроме армейской газетёнки «Боевая тревога» опыта работы в журналистике у меня – с гулькин нос. В печати, как нигде больше, новости распространяются со скоростью света.

– У меня нет намерений менять стиль вашей работы. Для этого пока нет оснований. Прошу лишь соблюдать трудовую дисциплину, – закончил я свою речь. – Начнём с чистого листа. И называйте меня по имени – отчеству. А теперь – вопросы?

На минуту в кабинете повисла тишина. Очевидно, мои подчинённые раздумывали, говорить или нет о своих болячках. Наконец, Редькин, волнуясь и оттого ещё сильнее заикаясь, не вставая, пожаловался на дефицит цветной плёнки.

– Ж – жживём впроголодь. От – тдел тттехнических с – средств п – пропаганды во главе с Фоменко с – считает нас нахлебниками, в военторге – игнорируют. Это – раз. Два: смешно, но в цветном журнале нет проявочной машины для слайдов. Приходится пользоваться расположением коллег. То в ТАСС, то в АПН то в «Советский воин», – ц – целыми днями в бегах. А работать когда?

Он пожал узкими острыми плечами и склонил голову набок.

– Что ж, Дмитрий Григорьевич, согласен с вами, непорядок налицо. Будем исправлять положение, – сделал я пометки в блокноте.

– И аккредитации ни к чёрту, – осмелел и перестал заикаться Курбатов. – Ни на парадах, ни на торжественных собраниях, где собираются знаменитые лётчики, ни, тем более, съездах не бываю. А журнал без снимков, как слепой без поводья.

– Это верно, – удивился я точному сравнению фотокора.

– И у меня есть серьёзные претензии к отделам. Материалы в номер нашему литературному сотруднику Любовь Степановне приносят в последний момент. А их надо вычитать, править, сделать гранки, снова вычитывать, сокращать, форматировать. Вот и приходится работать на форсажном режиме, – вставила своё слово Анна Михайловна, – вот и получается тяп – ляп.

От волнения Анна зарделась, мельком взглянула на меня, оценивая, как я это воспринимаю, и добавила:

– Кроме того, макет с гранками вам лично надо передать военному цензору, и только с его визой сдать в третью типографию. На всё надо время, и его катастрофически не хватает.

Она перевела дух и закончила:

– Я вам показала упрощённую схему рождения журнала. На самом деле она намного сложнее. Вскоре в этом сами убедитесь.

Записав неудовольствия сотрудников, я попросил предоставить для ознакомления материалы апрельского номера.

– Вот пока всё, что имеется, – подала она тощую папку с рукописями.

Номер был посвящён двадцатилетию полёта Гагарина в космос.

На площадке, отведённой для курения, я увидел подполковника Светлицына, среднего роста, упитанного, широколицего офицера. Его иссиня-чёрная шевелюра лоснилась, словно намазанная бриллиантином, а из-под широких дугообразных бровей антрацитом блестели тёмные, как южные ночи, вприщурку смотрящие глаза. В каждом его движении чувствовалась этакая вальяжность и довольство. Безупречно выглаженные брюки и рубашка без слов говорили об ухоженности и внимании. От него исходили мягкие и приятные запахи отечественного одеклона «Красная Москва».

– Максим, – назвался он, улыбаясь и протягивая руку. – Давно смолишь?

Ладонь его была влажной, по-женски мягкой и безвольной.

– Лет двадцать. Закурил по случаю окончания училища. С тех пор и бросаю.

– Вредная привычка, – согласился Светлицын. – Тоже злоупотребляю. Да лучше лишних сто грамм опрокинуть, чем каждый час травить свой организм дымом, вонючим и поганым, – употребил он словосочетание из доноса подъячего о первом полёте человека на воздушном шаре. «Подкованный», – отметил я про себя эрудицию собеседника в истории развития авиации.

– Мы недавно встретились с ребятами в неформальной обстановке. О жизни поболтать, стресс сбросить. Договорились покончить с куревом. Да не вышло, – с остервенением раздавил он окурочек в громадной пепельнице. – Ладно, пойду работать.

И ушёл, не скрывая улыбки, от которой на щеках Светлицына появлялись ямочки.

До обеда я вычищал авгиевы конюшни моего рабочего стола, сейфа и шкафа, безжалостно отправляя в корзину прочитанные и ненужные бумаги, оставленные моим предшественником, потом долго переписывал из блокнотов Редькина и Анны адреса и телефоны организаций и нужных людей. Честно сказать, не подозревал, что журнал имеет такую широкую сеть абонентов, львиная доля которых замыкалась на отделе оформления.

Вместе с Владимиром Ивановичем прошёл на территорию мединститута космонавтики, и пообедали в ведомственной столовой. Я с интересом рассматривал людей, принимающих пищу, стараясь угадать, кто есть кто. Здесь были офицеры, от лейтенанта до полковника, и множество гражданских лиц, в основном женщины. Одна из них, остроглазая, с роскошными каштановыми локонами лет тридцати пяти, сидевшая в кругу подружек, что – то оживлённо рассказывала и украдкой обстреливала нас мимолётными, зовущими взглядами. Не иначе, заметила новичка. Обухов ей, очевидно, был давно знаком, и предметом её внимания мог быть только я. Мне она тоже понравилась, симпатичная мордашка. Надо взять на заметку.

К середине обеденного времени в столовой собрались почти все журналисты, кроме женского персонала. То ли в целях экономии, то ли по каким другим соображениям, обед они приносили с собой и ели на рабочих местах.

Мы уже заканчивали трапезу, когда к нам подсел Юрий Александрович с компотом на подносе и тарелкой манной каши. Я удивился его аскетизму, но промолчал. Зато он, словно извиняясь, проговорил, что желудок ни к чёрту не годится и что проклятый гастрит заставляет питаться детской пищей.

– Заходи в отдел, поговорить надо. Не забыл, где мы обитаем?

Отдел боевой подготовки находился на отшибе, внутри институтского двора, и располагался в большой комнате на втором этаже пятиэтажки. Единственное окно выходило во двор, сквозь которое просматривалась вся редакция.

Кроме Кислякова в разных углах помещения сидели его подчинённые майор Жилин Александр Иванович, писавший на злободневные темы хлёсткие, убийственные материалы, и старший научный сотрудник Долгишев Виктор Петрович, тоже в майорском звании. Ребята о чем – то с азартом спорили, но когда мы вошли, примолкли в знак уважения к начальнику.

– Базарим? И на какую тему? – поинтересовался Юрий Александрович.

– Да вот, командир, выясняем, где у женщины передок. Витька говорит, что грудь, а мне кажется – пах, – на полном серьёзе ответил Жилин. – Рассуди, шеф.

– Здесь и рассуждать не о чем. И то, и другое – составляющие. Визитной карточкой женщины является лицо. Ну и, конечно, всё, что к нему прилагается. Ферштейн?

– Яволь, – в тон командиру дуэтом ответили подчинённые, и все дружно рассмеялись.

Непринуждённые отношения между офицерами создавали обстановку доверительности и дружбы, настраивали на творческий лад. Впоследствии я не раз убеждался, что не ошибся в своих умозаключениях. Отдел работал слаженно и продуктивно. И наезды на летучках и заседаниях редколлегии носили признаки искусственно создаваемых руководством проблем.

Дело в том, что Юрий Александрович позволил себе как – то высказать мысль, что в журнале публикуются материалы, совершенно ненужные авиаторам. Кому, к примеру, понравятся статьи на научную тему, занимающие треть опубликованной площади? Зачем, спрашивается в задачнике, теоретические выкладки о перспективах развития авиации? Вместо дельных советов, почерпнутых из опыта работы лётчиков, техников и других авиаспециалистов, волевым методом на страницах появляются пустопорожние рассуждения. Вот почему журнал, претендующий на популярность, не пользуется спросом, и подписка на него проводится под партийным давлением. А передовицы, призванные будировать потенциальные творческие силы авиаторов на качественное выполнение планов боевой подготовки? Разве они воодушевляют пустопорожним сотрясанием воздуха? Да их просто игнорируют!

От неслыханной дерзости подполковника Кислякова, нагло замахнувшегося на методы руководства печатным изданием, и Миронов, и его заместитель Бессонов и остальные члены редколлегии опешили. Это был явный бунт против устоев партийного руководства.

Хитрый и осторожный с выводами Главный не стал заострять ситуацию на критике в свой адрес. Чтобы сбить закипающие страсти, он односложно сказал:

– Хорошо. Мы учтём замечания подполковника Кислякова.

Но сразу же после летучки вызвал к себе секретаря партийной организации полковника Лебедева, сутулого, всегда взъерошенного и послушного подчинённого и долго беседовал с ним с глазу на глаз.

В результате секретных переговоров родилась тема очередного партийного собрания: «О задачах коммунистов по улучшению качества журнала и мерах по преодолению застойных явлений».

С докладом выступал сам Миронов. Задачи, которые были известны всем наизусть, он выложил коротко, остальную часть обрушил на нигилистические тенденции, свойственные отделу боевой подготовки. Здесь, говорил он, имеет место своеволие, вместо запланированных статей предлагают новые, надуманные и оторванные от жизни, материалы, как правило, сырые и даже сдаются с опозданием.

В прениях выступили Бессонов, Светлицын, Беляев, безоговорочно поддержавшие позицию Главного, Горьков и служащий Советской Армии Коньков, высказавшие сомнения относительно слабой работы ОБП. И, конечно, нарушитель спокойствия Кисляков:

– Спасибо за критику, товарищи коммунисты. Мы учтём ваши замечания. Но я не перестану бороться с явлениями, когда в ущерб авторитета журнала, в нём печатаются материалы кому – то нужных людей, научных работников, готовящихся к защита диссертаций, и потому обязанных иметь для этого ряд опубликованных работ, чиновников, стремящихся повысить свой рейтинг и продвинуться в должностях и званиях. Журнал рассчитан на массового читателя, а по существу его читают лишь авторы статей и корреспонденций, Любовь Степановна и военный цензор.

Последнее предложение Юрия Александровича вызвало улыбки и смех.

С заключительным словом выступил докладчик. Он похвалил активность коммунистов (значит, тема актуальна), пожурил, пощекотав нервы Кислякова, за политическую близору-

кость, зная наперёд, что после его выступления дискуссии не будет, и пожелал всем творческих удач.

С тех пор коллектив разделился на две непримиримые группировки – мионовцев и кисляковцев. Случилось это за три года до моего появления, да так и осталось. Ни о каком компромиссе речи быть не могло.

Обо всём этом мне рассказал Юрий Александрович, когда мы, уединившись на лестничном пролёте, нещадно смолили сигареты «Ява».

– Ты человек новый, так что выбирай, какую сторону поддерживать. Не сомневаюсь, что кто-нибудь из прихлебателей Миронова к тебе обязательно подвалит. Силёнок у них маловато...

– А ведь ты прав, бродяга, – признался я Кислякову две недели спустя. – В прошлую субботу Светлицын предложил мне составить компанию на «мальчишнике», но я отказался, сославшись на свою язву. По-моему он был разочарован.

– Ну, что я тебе говорил, – взбодрившись, ткнул он указательным пальцем в стол, как будто ставил точку на чём – то решённом. – Но учти, твой отказ даром тебе не пройдёт. Если ты не у них, значит, на моей стороне. И самолюбивый Макс найдёт повод насолить.

– Скажу тебе по секрету, что в твоём отделе Анька соблюдает нейтралитет, а вот Редьки глядит в рот Главному. Так что будь осторожен: в фотоделе ты новичок, а подставить тебя – Димке ничего не стоит.

Он как в воду глядел. Дмитрий Григорьевич нанёс мне два таких болезненных апперкота, пославших меня в нокдаун, от которых я и сейчас, вспоминая, чертыхаюсь. Но подробнее об этом расскажу попозже...

К концу рабочего дня в отделе появилась Татьяна Николаевна Цветкова, старшая в машинописном бюро. Коренная москвичка, одетая по последней моде и в макияже, выглядела лет на двадцать пять, хотя я, успев изучить контингент, знал, что ей уже давно за сорок. Блондинку молодили большие голубые глаза, округлое, без единой морщинки, лицо и высокая упругая, на взгляд, соблазнительная грудь, искушающая её пощупать. Печатала она, не глядя на клавиатуру, как пулемёт, выкладывая на запрошенный в каретку лист не менее двухсот знаков в минуту.

– Беда у нас, – пожаловалась она, озабоченно на меня поглядывая. – Машинка сломалась, а запасной нет. Прошу оказать помощь.

Оказывается, починка машинок и другой техники висели на редакторе отдела оформления. Как и через кого это делается, рассказал Обухов:

– Вот тебе телефон, – записал я «53 – 49», – едешь в АХО или в штаб Дальней авиации, На звонок выйдет мастер и принесёт пропуск на сдачу машинки в ремонт. Там и договоришься о сроках готовности. Да не забудь взять квитанцию, иначе хлопот не оберёшься.

Единственная на редакцию машина, чёрная, потрёпанная «Волга», перешедшая в наследство от какого – то генерала, была нарасхват. Официально это авто считалось персональным для Главного. По утрам водитель заезжал за ним домой, на Кутузовский проспект, а после трудового рабочего дня возвращал обратно. Как правило, Илья Александрович не сидел на месте и мотался в Политуправление ВВС, на презентации, совещания руководящего состава, в редакции военных журналов и по своему личному плану. Право на персональную машину Миронов оберегал ревностно и разрешал использовать её с неохотой. Но по такому неординарному случаю мне его выдали на следующий день.

Был и ещё один канал, по которому мы использовали ресурсы гаража, обслуживающего офицеров управления. Неудобство заключалось в том, что машины прибывали только по предварительным заявкам.

Ни в штабе Дальней авиации, ни в АХО машинку у меня не приняли. Человек, вышедший ко мне на встречу, с совершенно лысым, как бильярдный шар, черепом, покачал головой и

сказал хриплым, с очевидного бодуна голосом, что в производстве находится не меньше сотни печатных аппаратов, и что ждать исполнения заказа придётся долго.

– Советую смотаться к транспортникам, – развёл руками Застрожнов. – Если не они, то вряд ли кто вам поможет. Кстати, вопрос о предоставлении временного жилья для вашей семьи, сдвинулся с места. Позвоните мне через недельку.

Воодушевлённый радужными перспективами, я рванул по рекомендованному адресу и совершенно неожиданно встретил полковника Сычёва. Генрих Иванович ничуть не изменился. Такой же собранный, деловитый и гостеприимный:

– Какими судьбами? – воскликнул он, и на его мягком и добродушном лице расплылась такая счастливая улыбка, как будто перед ним был не бывший его подчинённый, а близкий родственник.

– Да вот, так получилось. Переквалифицировался в управдомы, – пошутил я, вспомнив знаменитую цитату из лексики Остапа Бендера. – Работаю в журнале редактором отдела оформления.

– Рад, очень рад за тебя! – искренне произнёс Сычёв. – А я – у генерала Колчанова в замах.

– Не у Валерия ли Сергеевича?

– У него. Ты что, с ним знаком?

– В академии учились вместе, – вспомнил я сурового, редко улыбающегося однокурсника и подумал: «Смотри, как люди растут? За десять лет от майора до генерал-майора дослужился! А что же ты топчешься на одном месте, словно глину месишь?».

– Жаль, что шеф в командировке и не могу с ним свести, – с огорчением поджал тонкие губы Генрих Иванович. – Ну, да встретитесь. Ты ведь, как я понимаю, навсегда в Москву прибыл?

– Если не вытурят, то, похоже, что так. Квартиру успеть бы получить, прежде чем увольняться. Уволенных военных на гражданке – хоть пруд пруди. Вот и живут в гарнизонах, ожидаючи. Прибывают на их места новые офицеры, а жилплощадь занята. Гордиев узел, да и только. И разрубить его – никому не под силу.

На последние мои слова Генрих Иванович не прореагировал. Осторожность, присущая старому политработнику и помогающая выживать при любом начальстве, и в столице его не покинула.

– Правильно мыслишь. Я тоже подумываю о пенсии. Как там наши забайкальцы? – переключился он на другую тему, имея в виду сослуживцев – политработников.

– Как прежде, ничего нового. Мальдов стал генералом, тоже, кстати, оказался моим однокурсником, когда учился на факультете журналистики. Бурмистров всеми недоволен, и, как мне кажется, прежде всего, потому, что не видит перспективы роста, Марченко мечтает перебраться на родину.

Мы поговорили ещё минут пять, и Генрих, взглянув на часы, заторопился:

– Ты по какому случаю оказался у нас? Понятно. Времени у меня нет, зайди к полковнику Заниздру. Виктор Георгиевич всё уладит. Давай, позванивай.

И, попрощавшись, мы разошлись...

О цензуре, существующей, как мне представлялось, для предупреждения утечки в открытой печати секретной информации, я знал не один год. Но только по рассказам связанных с ней офицеров. О военных цензорах, использующих в работе многообразие форм и методов идеологического и политического контроля и выполняющих подавляющие функции прямого воздействия, об их шепетильной придирчивости и жёсткости ходили анекдоты и байки, озвучивать которые, мягко говоря, не рекомендовалось. Всё, что готовилось к печати, озвучиванию и показу, проходило через фильтры грубой и мягкой очистки.

Оклады и звания цензоров были высоки, и каждый из них крепко держался за своё рабочее кресло. Бдительности этих монстров мог бы позавидовать любой разведчик или пограничник. Проверять материалы на предмет крамолы, они знали наизусть массу документов, регламентирующих их работу. И если при чтении книг, брошюр, статей и других мелочей, даже подписей под фотографиями, в их душах закрадывались незначительные колебания, цензор безжалостной рукой вымарывал сомнительные места. Это были настоящие роботы со встроенной программой. Их страшились и уважали, потому что обойти цензуру не представлялось возможным. Спорить с ними – спорили, возмущались их беспределом, но бесполезно: сказал – люмень, значит, люмень, и никакого тебе железа.

Несмотря на огромное количество этих церберов, стоящих на пути средств массовой информации, мне не приходилось видеть вживую ни одного. Первый контакт с ними произошёл в конце месяца, когда меня с гранками, схемами и фотографиями будущего номера журнала откомандировали на Пречистенку, где располагалось здание военной цензуры.

Москву я знал плохо, если не сказать – совсем не знал. И если бы не водитель, уверенно пробивающийся по Садовому кольцу к намеченной цели, блуждать бы мне и блуждать по бесконечным улицам и переулкам огромного мегаполиса.

Серое, монументальное пятиэтажное здание охранялось военными, но по пропуску, полученном в АХО управления, меня пропустили беспрепятственно.

– Вам на третий этаж, в комнату № 312, – подсказал мне бравый, подтянутый солдат, стоящий на проходной. – Подниметесь – налево по коридору, до конца – и сразу направо.

С папкой под мышкой я проследовал по указанному пути и остановился передохнуть перед серой высоченной дверью. Длинный коридор тускло освещался с четырёхметровой высоты двумя маловольтовыми лампочками. «Ну, с Богом!», – скомандовал я себе и толкнул тяжёлую неподатливую половинку.

В комнате, размером чуть ли не с баскетбольную площадку стояло три стола. Один был пуст, за остальными сидели полковники и гоняли чай.

– Желаю здоровья! – приветствовал я их жизнерадостным голосом и назвался представительно. Надо было обратить на себя внимание, чтобы сразу запомнили. В ближайшее время мне с ними работать.

– И вам не хворать! – кивнул головой сидящий ближе полковник, не переставая перебирать стопку вощёных листов в промежутках между глотками. – Из каких краёв будете? А, от лётчиков, – не удивился он. – Что – то за последнее время гонцы от журнала меняются, как перчатки.

– Долго меня искали. Нашли в Забайкалье, – кинул я пробный камень, проверяя собеседника на предмет понимания юмора.

– О, – вступил в разговор немолодой полковник с крупной плешью, сидящий на отшибе. – Я там десять лет сидел. Роскошный край, безбрежные просторы, раскованные люди, – с сочувствием осмотрел он меня с ног до головы.

Так и подмывало подковырнуть, не в Нерчинской ли тюрьме, но я сдержался, понимая, что шутка может показаться неуместной. Цензура – она сопоставима с таможей, где неосторожно оброненное слово может спровоцировать чиновника на великий шмон.

– Точнее не скажешь, – польстил я лысому полковнику, присаживаясь на предложенный стул. – И жить там – одно удовольствие! Жаль, что наши командиры при перемещении по службе не спрашивают нашего мнения на этот счёт...

Хозяева комнаты дружно рассмеялись, оценив мой английский юмор.

– Куликов, Борис Иванович, – протянул мне мягкую ладонь, сложенную лодочкой, лысый полковник, с интересом разглядывая меня. – Я курирую ваш журнал.

– Тогда вот, – раскрыл я дипломат, выкладывая на стол гранки и фотографии, – на ваш суд и рассмотрение.

– Не сомневайся, приятель, осудим через недельку, – с шутливой угрозой пообещал Борис Иванович, перелистывая увесистую стопку материалов, и я понял, что понравился цензору.

... Никогда не думал, что должность редактора отдела оформления может быть такой хлопотной. О командировках в Забайкалье я теперь вспоминал, как о краткосрочных отпусках. За три долгих месяца мне удалось наколесить по Москве и области столько километров, сколько и профессиональный посыльный не делает. И вот что интересно: даже ту работу, которую должны были выполнять другие, поручали мне. Я побывал в отделе печати ГлавПуРа, в Агентстве Печати Новости, ТАСС и Воениздате, складах технических средств пропаганды в Люберцах и Балашихи, в редакциях журнала «Советский воин», «Техника и вооружение», «Советская милиция» и «Смена», издательстве «Плакат» и во всех центральных газетах, от окружной «На боевом посту» до «Правды». Встречали по-разному: чаще радушно, иногда сдержанно, реже – надменно. Всё зависело от статуса печатных изданий и рейтинга журналистов в них работающих.

Я прекрасно понимал, что с людьми, с которыми меня сводила судьба, – мне в дальнейшем общаться и работать. И главной задачей на первых порах считал наладить дружественный контакт и доверительные отношения с коллегами. Поэтому прежде, чем идти на встречу с новым человеком, я собирал о нём возможную информацию у наших ребят. Однако делились ей неохотно: ко мне продолжали присматриваться. Клань не спешила принимать варягов в свои ряды. Лишь Владимир Иванович Обухов давал короткие, но меткие характеристики моих будущих оппонентов. Разговаривая с ним, я вначале удивлялся широтой его кругозора, глубокими, хрестоматийными знаниями и великолепной памяти. Казалось, не было вопроса, связанного со средствами массовой информации, на который бы он не смог ответить. Просто какая – то ходячая энциклопедия.

Ко мне, новичку в журналистике, он относился со снисходительным покровительством. Я отвечал неподдельным уважением и признательностью, несмотря на его взрывной, несносный, ворчливый характер. Парадоксально, но у него было редкое качество, не перебивая, до конца выслушивать собеседника. Люди с таким даром встречаются редко. Больше таких, которые слышат только то, что им близко и совпадает с их видением обсуждаемой проблемы. Остальные идеи проходят мимо ушей, в которых вставлены фильтры тонкой очистки.

Я давно уяснил, что нельзя злоупотреблять вопросами, если находишься в окружении сослуживцев. Среди них обязательно найдётся умник, для которого ответ на них очевиден. Ответ, возможно, ты и получишь, но у остальных, так уж мы созданы, в подкорке невольно отложится информация о твоей беспомощности. Мелочь, конечно, но из таких мелочей складывается мнение о человеке, создаётся твой интеллектуальный портрет и соответствующий рейтинг. Вот почему на интересующие меня темы я старался вести разговоры, как говорят поляки, в «четыре очи».

Если в среде офицерского состава я нашёл советника и мецената в лице полковника Обухова, то у вольнонаёмных сотрудников редакции – Любовь Степановну Виноградову, возглавляющую литературный отдел. Миловидная шатенка с карими колючими глазами бальзаковского возраста, она выглядела лет на десять моложе и обращала на себя внимание не только модной одеждой и стильной причёской, но и манерой говорить: чётко, коротко и ясно – с авторами статей и корреспонденций, и многословно, дружелюбно и притягательно – со своими товарками. Этому оптимально выбранному и отточенному в гарнизонных жизнях стилю своих взаимоотношений с окружающими она никогда не изменяла и слыла женщиной любезной, но принципиальной. Получившая высшее гуманитарное образование, она, в вычитываемых ею материалах, терпеть не могла словоблудия и фривольностей в русском языке. Нельзя сказать, чтобы её боялись, но старались не попадаться на кончик острого, как бритва, язычка. И молча сносили беспощадное вымарывание в своих рукописях неточных выражений и двусмыслен-

ностей. С ней поначалу пытались спорить, но оппоненты, сражённые вескими аргументами и фактами, терпели фиаско и, пристыженные в безграмотности, ретировались от греха подальше.

Муж Любови, кадровый военный, немало помывкался по свету, пока не осел в Москве на должности преподавателя академии. И жена, следуя за ним, как нитка за иголкой, подобрала в себя все особенности армейской периферийной жизни вплоть до жаргона и способность быстро адаптироваться в новых условиях. Не мудрено, что и в новом коллективе она, как говорят, пришлась ко двору.

Сколь себя помню, а, может, мне только казалось, но литературовед никогда не расставалась с сигаретой и всегда и везде, если не разговаривала, читала оригиналы рукописей, а то и гранки. Даже сидя в курилке, она, закинув ногу за ногу и изящно откинув в сторону длинную папиросу между затяжками, пожирала листы с текстом своими зоркими и острыми, как буравчики, глазами. Там мы и сошлись характерами, нещадно смоля и жарко обсуждая пагубность в пристрастии к табаку.

С мнением Любы считались. Не знаю, что она наговорила на мой счёт, но все редакционные девчонки, поначалу встречающие меня настороженно, вскоре оттаяли, должностная вежливость с их лиц улетучилась, мы подружились и даже вместе гоняли чай, сплетничая на избранную тему. Доверительность между людьми – мощное средство, поддерживающее здоровую жизнь любого коллектива.

Женщины были разными. И по возрасту, и по образованию, и по социальному положению и по интеллекту. Но что их, безусловно, объединяло, так это стремление быть привлекательными. Врождённый инстинкт к размножению заставлял каждую из них одеваться по моде, следить за макияжем и укладкой волос, пользоваться одуряющими духами и смелой палитрой губной помады. Наташа Чулкова, работающая в связке с Виноградовой, всегда ходила с длинными распущенными прядями, вытравленными перекисью водорода, белыми, как новогодний снег. Машинистка Татьяна Николаевна Цветкова почти каждый день меняла платья, и я всё удивлялся, как это ей удаётся при её более чем скромной зарплате покупать себе дорогие вещи. Технический редактор Нина Николаевна Никольская – Н в кубе – источала тонкий аромат французских духов. Они, как цветы, привлекали мужское внимание яркой раскраской и благовониями.

Я как – то имел неосторожность спросить Наталью, типично русскую красавицу с округлым подбородком, голубым загадочным взглядом и ямочками на ядрёных щёчках:

– Чулкова, вы неотразимы! И для кого предназначены ваши усилия?

Она пожала плечами, взметнула в удивлении лебединые брови и чистосердечно призналась, что для себя.

– Смешные вы, мужики. Думаете, если женщина за собой следит, то обязательно хочет кому – то понравиться. Я, между прочим, замужем, – заметила она и закончила со значением: – Для себя стараюсь, для себя.

«А ведь ты не лукавишь, девочка. Врождённый инстинкт к размножению нейтрализует попытки твоего разума скоординировать функции достаточной необходимости. Какой бы статус у тебя не был, ты подсознательно стремишься выглядеть привлекательной, – подумалось мне, – даже на смертном одре».

Естественно, ничего подобного вслух я не произнёс, но поощрительно улыбнулся.

Между тем, жизнь продолжалась. Каждую субботу я названивал в Читку, сообщал Ладе о своих делах и о действиях, предпринятых для получения жилья, получал ответную информацию и отправлялся к Константину, чтобы снять накопленный за неделю стресс. Иногда получал письма из далёкой Чукотки от младшего брата, полные оптимизма и веры в светлое будущее. На мои настойчивые советы бросить дыру и перебраться в Волгоград он реагировал живо, но его жена, словно приклеенная неведомой силой к Северу, категорически была против. Ни тре-

клятые морозы, ни всепроникающий гнус, поездом пожиравший всё живое, несмотря на тщательную защиту, ни отсутствие элементарных удобств её не пугали. За четверть века, прожитых в условиях крайнего экстрима, Галина научилась виртуозно ловить рыбу, скрадывать зверя, заготовливать продукты впрок, ничем не уступая мужу, переняла обычаи аборигенов и никогда не жаловалась, что живёт в какой – то столетней давности халупе без воды, без туалета и с печным отоплением. Я долго размышлял о её настойчивом нежелании вернуться к цивилизованной жизни и пришёл к выводу, что всё дело в её независимом характере. Возврат на Волгу, в квартиру, где доживали свой век мои престарелые родители, означал для гордой и самолюбивой снохи занять в доме второстепенную роль и танцевать под дудку властной и нелюбимой свекрухи.

Первая Юркина любовь, вспыхнувшая в музыкальной школе к пианистке – однокашнице, складывалась мучительно долго. Но в училище приобрела зримые очертания. И всё бы было хорошо. И мать наша Анастасия Никаноровна одобрила вкус последыша, и уже стали поговаривать о свадьбе, но вмешались потусторонние силы в лице музыканта – преподавателя, и разгоревшиеся чувства стали угасать, так и не доведённые до логического экстаза. Что тут поделаешь? Насильно мил не будешь.

Юрка долго болел, но был молод, и кровь в парнишке ходила ходуном. Да и время – хороший лекарь. И когда на горизонте появилась красивая и смелая Галочка, тайно влюблённая в него с пятого класса, брат не устоял. И привёл в дом на смотрины будущую невестку. Но матери она не понравилась. Чувственная по натуре девочка мгновенно сориентировалась, откуда ждать неприятностей, в гости ходить перестала, но цели своей добилась: молодые поженились. За три долгих года, пока Юрка заканчивал консерваторию, женщины так и не нашли общего языка. Мать постоянно ревновала сына к снохе. И когда подвернулась возможность завербоваться на Север, молодые приняли её, как избавление от непосильной ноши.

Сын Сергей заканчивал военно-техническое училище, летом должен был стать офицером, но куда попадёт по распределению, не знал. Хотелось бы, конечно, поближе к тебе, намекал он при разговорах по телефону, но желания не всегда совпадают с нашими возможностями. Естественно, мне бы тоже этого хотелось, однако вмешиваться в его судьбу было рановато: на новом месте я чувствовал себя на птичьих правах.

Полнее всего складывались отношения с родителями. Отец никак не был расположен к письмам и за годы разлуки не прислал ни одной весточки. Возможно потому, что закончил два класса церковно-приходской школы, стыдился писать, считая себя безграмотным. Зато от матери я получал увесистые конверты с подробным описанием их пенсионной жизни, с яркими изложениями о родственниках, друзьях и знакомых. Иногда вместо писем приходили бандероли с семечками, вяленой воблой и леденцами, с надеждой и пожеланиями бросить курить. Мои настоятельные просьбы перестать отрывать пенсионные крохи для великовозрастного сына успеха не имели. Сколько бы лет ни прошло, для родителей мы всегда остаёмся малыми детками.

Потрясающее известие пришло из Челябинска от моей сестры Маши. Она сообщила, что её муж, старшина сверхсрочной службы Александр Михайлович скончался. Пять лет тому назад! Поехал на родину во Владикавказ, лежал на верхней полке купейного вагона с открытым окном, простудился и в одночасье помер на сорок пятом году жизни. Господи, да не уж-то, правда? Великий оптимист, весельчак и балагур, нескончаемый источник анекдотов, приколов и прибауток из-за какого – то пустяка отправился на тот свет? Где, спрашиваю я вас, справедливость? И почему о его смерти я узнаю только через пять лет?

Обо всём этом я написал гневный ответ моей милой сестричке. Обидеться она не могла, я писал правду. Но не учёл, что женщины не переносят критики, как бы она не была обоснованной. Критику в свой адрес они воспринимают, как оскорбление. Поэтому между нашими

семьями надолго установились только дипломатические отношения. Выходит, сделал я вывод, правда тоже бывает разной...

Жизнь, однако, продолжалась. Не прошло и трёх месяцев, как меня вызвал к себе начальник АХО и милостиво предложил временное жильё из фонда Главкома ВВС. Умный Застрожнов предпочитал хорошие вести сообщать лично:

– Не скажу, что вариант удобен для работы. Далековато, но по московским меркам вполне приемлем. Двухкомнатная квартира находится на 41 – м километре от столицы. Но со всеми удобствами и рядом с остановкой на электричку. Вот тебе ключи. Съездишь, посмотришь. Не понравится, не обессудь.

Я откровенно рассмеялся, вспомнив рассказ своей матери о привередливом сыне.

– Ничего смешного здесь нет, – обидчиво поджал губы Застрожнов.

– Да я не об этом, товарищ полковник, – успокоил я начальника. – Дело в том, что у моего отца – крестьянина было пять братьев. Каждое утро перед выходом в поле они завтракали пшёнкой кашей. Мой отец как – то закапризничал: пшёнка да пшёнка, сколько можно?

– Ну, что ж, – сказала ему мать, – не хочешь – не ешь. Другой варить не стану.

После целого дня работы возвращаются мужики, а на столе – та же каша. Попробовал отец, и расцвёл от удовольствия:

– Вот это совсем другое дело. Вкуснее ничего не ел!

– Ааа, – догадался Застрожнов, и мы, как дети, дружно захохотали.

Осмотр квартиры меня удовлетворил. Две просторные комнаты на третьем этаже, два шикарных балкона, паровое отопление, горячая и холодная вода, кухня и ванная с горшком, – чего ещё надо для семьи невзыскательного офицера?

К тому же почти рядом – Военно-воздушная академия в Монино и Звёздный городок – Центр подготовки космонавтов, где имела музыкальная школа для дочки.

Контейнер с домашними вещами, два месяца простоявший на территории аэродрома Чкаловский, я перевёз в новую квартиру. Из всего нажитого в Чите мы не могли расстаться с книгами, детской кроваткой для сына и кухонной гарнитурой.

Я отправил Ладе телеграмму с приглашением в Москву и укатил в командировку.

Глава вторая

По случаю приезда семьи Главный редактор журнала предоставил мне трёхдневный отпуск. Времени было достаточно, чтобы встретить Ладу с детьми, привезти их на 41 – й километр, приобрести в местном магазине диван – кровать и позаботиться об устройстве дочки в общеобразовательную школу.

Первая ночь на новом месте прошла относительно спокойно. Мы с женой опробовали новую покупку на прочность, а дочка осваивала импровизированное ложе, сконструированное из полутора тысяч книг, собранных за время скитаний, и с которыми я категорически не хотел расставаться. Сын спал в детской кроватке.

Утром на семейном совете мы решили, что негоже терять целый год в обучении Леночки музыкальным наукам. Азы просвещения легче постигаются и закрепляются в молодости.

Я уже знал, что по всей округе только в одном месте находилась школа с классом фортепиано – в Центре подготовки космонавтов. Звёздный городок находился в одном перегоне электрички, и нас это устраивало. Но у меня не было ни знакомых, связанных с властями городка, способных замолвить за меня словечко перед ними, ни протекции, ни каких – либо иных выходов на цель. Зато по горло хватало напористости, нахальства и авантюризма. Отправляясь в поход, я предполагал, что городок находится в зоне особого режима и простому смертному туда не проникнуть. Однако я рассчитывал, что корреспонденту журнала «Авиация и космонавтика» двери заповедного места приоткроются. Кроме того, Слава Горьков, курирующий вопросы науки и космонавтики, накануне проинструктировал меня о линии поведения с тамошней охраной.

– Вездеход ты получишь попозже, а пока попробуй предъявить корреспондентское удостоверение и попроси встречи с начальником особого отдела. Думаю, в этом они тебе они не откажут.

«Вездеходом» Горьков называл документ с особыми отметками, подписанный представителем компетентных органов, дающим право доступа предъявителя на режимные и закрытые объекты.

Моя «шестёрка», мягко скользя по заснеженному насту, двигалась вдоль глухого серого забора, сложенного из бетонных плит, за которым, словно солдаты на параде, плечом к плечу стояли вековые сосны. Такое же серое над головой небо до горизонта, нависшее над кронами, создавало иллюзию плотного зелёного потолка, и я, казалось, двигался в тоннеле, выхода из которого пока не предвиделось. Тщательно очищенная от снега дорога говорила о том, что по ней к Центру подготовки космонавтов имени Гагарина устремлялись не только именитые экскурсанты, но и персоны поважнее. Чёрная, отполированная до невозможности, будто только что сошедшая с конвейера «Волга» проскочила навстречу, брезгливо обдав меня снежными завихрениями. Наверняка проехал генерал. Я уже по опыту знал, что в новеньких лимузинах передвигаются именитые люди. Средства передвижения они меняют через каждые два года.

Наконец, за поворотом, словно нарисованные, возникли бело – синее здание проходной, железные ворота и небольшая стоянка по правую руку для служебного транспорта. Над приземистым зданием на флагштоке, уныло висело в безветрии авиационное знамя.

Не смея парковаться на служебной стоянке, я приткнулся в сторонке, закрыл машину и двинулся на штурм проходной.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – вскинул руку к головному убору постовой в новенькой, как копейка из-под станка, форме. – Прошу предъявить пропуск.

Ишь, как его вышколили. К такому на хромой козе не подъедешь.

– Вызови – ка ко мне старшего, любезный, – вальяжно и снисходительно попросил я, зная, что тон больше требования возымеет своё действие.

Через минуту младший сержант уже доложил о своём прибытии. О цели своего появления говорить с ним было бесполезно. Нужен был начальник, какой – либо офицер, имеющий отношение к пропускному режиму. Именно об этом я хотел попросить старшего. Не знаю, как бы долго продолжалась раскрутка снизу доверху и обратно, но мне повезло.

На проходной появился плотный приземистый подполковник в фуражке с высокой тульей, и я мгновенно узнал в нём моего старого приятеля по Польше Тольку Папшева. Вот уж, поистине, гора с горой не сходятся...

Сержант между тем, вытянувшись в струнку, дал команду смирно. Потом сделал шаг навстречу и лихо отрапортовал, что на вверенном ему посту происшествий не произошло.

Папшев скользнул по мне внимательным взглядом и отвернулся.

– Толя, чертяка, неужто не узнал?

– Почему не узнал? Узнал, – сознался Папшев, отпуская дежурного. – Ты мне надоел тысячу лет, – щуря раскосые глаза в улыбке, протянул он мне руку. – Какими ветрами?

– Попутными, Анатолий Иванович, попутными. А ты-то что здесь делаешь? Впрочем, вопрос задан дамский. И так вижу, что при деле. На чём подвизаешься? Или в космонавты подался?

– Как дураком был, таким и остался. И шутки у тебя дурацкие, – на полном серьёзе ответил Папшев. – Но раз ты здесь, значит по делу. Пошли со мной.

Постовой, лихо, вскинув руку к виску, безропотно пропустил нас на территорию таинственного гарнизона, и мне представилась аллея с бюстами космонавтов по обе стороны, припорошенными свежеснеженным снегом. В глубине аллеи просматривалось приземистое здание из стекла и бетона, очевидно, офицерский клуб. Справа, распластавшись по земле, словно солдат во время обстрела, виднелись кирпичные постройки непонятного назначения.

– Тренажёрный зал, – подтвердил Толя мои догадки.

– Так ты, говоришь, в журнале работаешь? – переспросил он, когда вошли в его небольшой кабинетик на первом этаже. – Это хорошо. Будем теперь встречаться почаще. По коньячку? – предложил Папшев, и, не спрашивая согласия, открыл сейф и извлёк тяжёлую бутылку «Наполеона». – Ну, за встречу!

Через четверть часа напряжение спало, и мой старый приятель стал откровеннее.

– Устроить дочку в музыкалку? Нет ничего проще, – с чувством превосходства произнёс он, набирая номер телефона. – Александр Иванович? Привет. Папшев говорит. Тут такое дело: надо бы принять девочку нашего сотрудника в класс фортепиано. Такое возможно? Тогда я его к вам подошлю.

– И все дела, – небрежно подытожил результаты переговоров Толя, возвращая трубку на место. – А теперь иди, – сказал он, взглянув на часы. – К нам должны гости подъехать из Венгрии. Эти делегации у меня вот где сидят, – и похлопал себя по шее. – Приезжай, познакомлю тебя с семьёй и с Центром.

Разговор с директором музыкальной школы времени занял немного. Ознакомившись с Лениными документами, Александр Иванович с удовлетворением дал добро, уточнил расписание занятий, помог оформить пропуск и отпустил восвояси.

Юрка Кисляков оказался прав, когда предупреждал, что за моей душой будет организована охота. Пару месяцев спустя ко мне снова подвалил Светлицын и, рассыпаясь в любезностях, пригласил на очередной мальчишник их мафиозной группы, в которую входили почти все журналисты, за исключением отдела боевой подготовки и Горькова.

– Собираемся в ресторане «Северный» сегодня в двадцать ноль – ноль. Приходи, не пожалей, – многообещающе и снисходительно сказал он, похлопывая меня по плечу. – Будет и Илья Александрович.

Возможно, я бы и дал согласие, но фривольное поведение меня возмутило. Я вообще не допускаю двусмысленностей в отношении со мной, оберегая свою независимость, и игривость Светлицына меня покорила.

– К сожалению, не смогу. Обещал жене, что вечером выедем к её родителям, – извинился я. – Может, в следующий раз?

– Ну, смотри, тебе виднее, – пожал покатыми плечами Светлицын. – Может, другого раза и не будет.

В его словах я почувствовал скрытую угрозу, но не обратил на неё внимания.

– Ничего, не умру, – пообещал я, бросил недокуренную сигарету в пепельницу и ушёл в отдел.

Анна, как всегда, колдовала над макетом очередного номера, фотокор Редькин, захлёбываясь от заикания, рассказывал ей какую – то занятную историю. Я с самого начала обратил внимание, что он дышит к ней неровно, чего она по-женски поощряла. Не знаю, как он работал до меня, но за последний месяц даже мне, профану в оформлении, стало понятно, что слайдов и чёрно – белых снимков явно нахватает. В командировках я не ограничивал подчинённого, и он аккуратно мотался по всему Союзу, но что он там делал, непонятно, привозя с собой десятка два банальных сюжетов. А из Хабаровска привёз три не цветных снимка. На эту тему мы с ним уже разговаривали, но Дмитрий Григорьевич, ссылаясь на объективные причины, намекал на то, что мне, не профессионалу, понять их трудно.

– Вы вот что, вы пишите мне, если недовольны, сюжеты снимков, – сказал он тогда, и я, рассердившись на его хамство, сдуру поначалу набрасывал ему картинки, соответствующие написанным статьям и очеркам. Заказы мои Курбатов выполнял с оскорбительной точностью, но не более того.

– Дима, – пытался я его вразумить, – вы называете себя творческой личностью, но где оно проявляется в ваших материалах? Даже слайды на обложку – визитную карточку номера, как две капли воды похожи друг на друга. У вас совершенно отсутствует фантазия.

– А вы покажите пример, – нагло заявил подчинённый, саркастически улыбаясь.

С тех пор, отправляясь на задание, я брал с собой редакционную немецкую камеру «Лейку» и привозил с собой более – менее необходимые слайды. Мало того, если они проходили в номер и публиковались, за них прилично платили, и для меня проблемы с заначкой разрешились сами собой.

Редькин, уверившись, было, в моей беспомощности, приуныл. По существу, я отбирал у него хлеб. Гонорар, составляющий более половины его оклада, уплывал на сторону.

Отношения наши после разговора со Светлицыным ещё более обострились. Нет, внешне он относился ко мне подчёркнуто уважительно, но за его улыбками и холодным взглядом угадывалось желание как – то насолить непокорному новичку. Сделать это было несложно. Опыта – никакого, защиты – никакой. А Редькин явно игнорировал распоряжения своего начальника. И до меня дошло, что мой подчинённый пляшет под дудку Максима. Естественно, терпеть это стало невозможно, и я крепко задумался о пересмотре кадров. Тем более, что среди знакомых и товарищей по роду своей работы у меня появились настоящие молодые фотокоры, мечтающие попасть в редакцию нашего славного журнала. Но без поддержки и одобрения руководства задумки мои осуществить было невозможно.

Главный редактор, между тем, неустанно учил меня уму – разуму, не оставляя надежды на спасение. И я приятно удивился и обрадовался, когда через год он пригласил нас с Ладой к себе в гости. Не знаю, с какой целью он это сделал, такие вещи не происходят спонтанно, особенно на высоком уровне, но так или иначе в назначенный срок мы явились к Миронову на квартиру, расположенную в одном из сталинских домов на Кутузовском проспекте. Дом охранялся нарядом милиции, и прежде, чем попасть на четвёртый этаж, мне пришлось вести разговор о цели своего визита с гражданским типом на улице и в подъезде с консьержкой.

Старый лифт, закованный в железную клетку, хрустя несмазанными суставами, медленно втащил нас на ухоженную площадку и тупо остановился. Мы вышли, и перед нами тотчас распахнулась высокая дверь, оббитая светло-коричневым дерматином.

– Ждём, ждём, – широко улыбаясь, сказал Илья Александрович, одетый в кремовую рубашку и светлые брюки. На ногах его пестрели мягкие домашние тапочки. – Проходите, не стесняйтесь.

В прихожей стояли две нарядные миловидные женщины, как две капли воды похожие друг на друга. Не нужно быть гением, чтобы понять, что перед нами были мать с дочкой. Жене Главного было лет сорок, но она молодилась, красила волосы и дружила, судя по запаху, с изысканной парфюмерией. Она жеманно протянула холёную руку для знакомства. На запястье блеснул золотой браслет с украшениями из камней, то ли рубинов, то ли гранатов, я в драгоценностях разбираюсь плохо, а открытую шею украшал кулон на короткой цепочке. Светло-коричневый костюм удачно сочетался с блеском золота.

– Моя жена Надежда, – представил Илья Александрович супругу, пока я тряс её мягкую ладонь. – А это – дочь Оксана, студентка МГУ, будущая журналистка, – сказал он не без гордости в голосе.

– Очень приятно, – как можно проникновенней прореагировал я и, в свою очередь, назвал слегка оторопевшую жену.

– Какой роскошный костюм! – восхитилась она, плеснув чуточку елея на самолюбие хозяйки. – Из Франции?

И женщины, забыв о нашем присутствии, заговорили о тряпках.

– Пойдём, познакомлю с квартирой, – предложил Олег, – и, не дожидаясь моего согласия, повёл за собой.

Кроме гостиной, двух спален, большой кухни – столовой и помещений первой необходимости, у хозяина был личный кабинет. У широкого окна стоял массивный полированный стол, на котором прямо по центру возвышался бронзовый письменный прибор с пресс-папье, украшенный фигуркой льва. По левую и правую руку до самого потолка на стеллажах покоились ряды книг в золотистых кожаных переплётках. Многие фолианты выглядели старыми и потёртыми. Не трудно было догадаться, что они пользовались спросом.

– Ого! – не в силах скрыть восхищения, удивился я. – Да у вас и Даль есть!

– И не только. Вот, посмотри, – открыл Миронов дверь книжного шкафа и доставая небольшой томик в красном переплётке с золотым теснением, – собрание сочинений Пушкина от 1887-го года!

Господи, какой раритет! Это ж каких денег он у антикваров стоит!

Я с вожделением, будто принимал переполненный стакан, взял в руки бесценную реликвию и открыл страницу наугад. Это было знаменитое стихотворение «КЪ А. П. КЕРНЪ». Я его с первых строчек узнал, хотя незнакомый шрифт и яти читать мешали. И вот какое удивительное совпадение: две недели назад я ездил в командировку в Торжок, где находился Центр переучивания лётного состава на новые типы вертолётов. Командиром базы, как оказалось, был мой одноклубник Коля Анисимов, переведённый из знаменитой Могочи. Он познакомил меня с вертолётком – гигантом «Ми – 26», на котором летал и на котором через два года разбился на взлёте вместе с экипажем, царство им небесное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.